

Александр Торопцев

О книге Михаила Попова «Смерть Вергилия». (Свободные размышления)

Поколение – это народ, Михаил Попов – яркая личность «своего народа»

Под термином «Поколение» я понимаю совокупность сограждан, родившихся на территории страны в определённом временном интервале, имеющем ярко-выраженные, характерные социально-политические и социально-психологические особенности, влияющие на формирование личностных качеств любого представителя Поколения и внутреннего мира всего Поколения, находящихся под сильным внешним воздействием времени его детства, юношества, ранней молодости. Например, в формировании личностных качеств Первого поколения XX века (1890-1905 гг. рождения) огромную роль сыграли события в России и на Земном шаре с 1890 по 1922 гг.

По моей версии Михаил Попов принадлежит к Пятому поколению XX века (люди, родившиеся в 1945-1959 гг.), которое получило от своего столетия всё, то есть физическое и психическое здоровье, психологическую уверенность, возможность получить бесплатное высшее образование (даже несколько образований), социальные, часто оправданные надежды, карьерные перспективы и т. д.

В этом Поколении XX век реализовал все свои возможности по отношению к любому человеку и гражданам СССР в целом. Казалось бы, миролюбивые (а в основе своей мы такие и есть), образованные в массе своей, талантливые в меру «граждане» этого Поколения должны были совершить чудеса в цивилизационном созидании. А зачем же нам это ВСЁ было даровано дальними и близкими предками, самой Судьбой?

И вдруг:

Прельстившись громкою тирадой,

Влюбившись в быстрый результат,

Мы разрушали мир проклятый,

И строили другой, стократ

Ещё, ещё бесчеловечней,

Прозрев, кидались снова в бой,

И в этом был какой-то вечный

Хмель опьянения борьбой...

Добавил(а) Александр ТОРОПЦЕВ
29.11.23 15:09 -

(«Стансы» Михаил Попов. «Смерть Вергилия. Книга стихотворений», М., «Наша молодёжь». 2022. С. 358. Далее все цитаты приводятся по этой книге).

(Здесь я вынужден сделать важную оговорку. К сожалению, у меня нет под рукой статистики участия разных поколений XX века в событиях 1985-2000 годов. Но социально-политические и социально-психологические портреты и, главное, динамика жизни разных поколений, убедительно доказывает мысль, пусть и версию, без статистики, то, о том, что Пятое поколение (1945-1959 гг. рождения) просто не могло ни победить в Перестроечной борьбе, ни даже активно в ней участвовать. Потому что суть тех событий была не борьба за миражные идеалы, а борьба за власть, к которой (к борьбе) шибко миролюбивые «граждане» Пятого поколения были абсолютно не предрасположены в 1985-1993 гг. В пользу этой версии говорит хотя бы статистика диссидентского движения в СССР – в нём «победу» одержали, причём за явным-явным преимуществом «граждане» Четвёртого поколения (1928-1944 гг. рождения). Эта статистика приведена мной в книге «Поколения XX века» («Сайт Александра Торопцева». Вход – бесплатный, выход – по желанию).

Именно Четвёртое поколение и готово было по разным причинам бороться за власть и только за власть, именно оно и победило в этой борьбе, используя, уж простите, в качестве шестёрок людей моложе пятого (1960-1974 гг. рождения) и частично нашего поколения, а в качестве одной из главных движущих сил – «славных» представителей «Урлага» (так я называю тех, кто кантовался на нарах за уголовные преступления, в отличие от сидельцев ГУЛАГа).

И очень быстро «народ» Пятого поколения смирился со случившимся, и...

Но мы раскисли и обрюзгли,

Добавил(а) Александр ТОРОПЦЕВ
29.11.23 15:09 -

Сидим, молчим за коньяком,

А то вообще мусолим мюсли,

И ты не соблазнишь штыком,

Или прогулкой на танке,

Весь пар растрочен на свисток,

А нам бы в тишине сметанки...

В одежде вроде римских тог.

(Всё те же «стансы». С. 359)

«Весь пар растрочен». Вся дарованная нам в безвозмездное пользование энергия растрочена? – Нет, с этой «нотой» Михаила Попова я не могу согласиться. Да, собственно, об этом говорит и всё его творчество, и эта замечательная книга, которую я с полным на то основанием называю «Поэтическим портретом Пятого поколения», портретом, глубоким, тонким, сотканным из самых разных литературных нитей, штрихов.

Добавил(а) Александр ТОРОПЦЕВ
29.11.23 15:09 -

Даже этакий душевный сплин, как фоновая тема, по лунному, не по солнечному, подходит к нашему портрету. Луна ищет – солнце уже нашло.

Да, хотелось бы найти свой «клад», внести свой вклад, как нечто важное для всех, и крикнуть на весь мир слова Иисуса:

... Я есмь путь и истина и жизнь...

(Евангелие от Иоанна. 14:6)

И завершить эти слова:

«Я познал, я знаю, я не сомневаюсь – вкушайте мои истины, о люди и живите моими истинами!»

О, сколько развелось таких «поэтов», которые уверены в том, что они: все ведавшие до края мира, познавшие моря, перешедшие все горы... постигшие премудрость, все пронизавшие: сокровенное видели они, тайное ведали... (использован стих из книги: «Я открою тебе сокровенное слово». М., 1981. С. 122. Пер. И. Дьяконова).

Сколько, уж простите, пафосной дури понаписали они, уверенные и в себе самих, и в своих «истинах», иной раз удачно зарифмованных!

Добавил(а) Александр ТОРОПЦЕВ
29.11.23 15:09 -

Сколько поэтов в своём болезненном самолюбии, самолюбовании и самомнении забыли, что Сам Господь Бог, создавая наш мир, сомневался! Читайте начало книги «Бытие», перевод с Септуагинты и для пущей убедительности «Книгу Брейшит, первую книгу Пятикнижия Моисея» - современный перевод израильских специалистов иврита и русского языка. (Толковая Библия, или Комментарий на все книги Св. Писания Ветхаго и Новаго Завета. С иллюстрациями. Издание преемников А. П. Лопухина. Петербург. 1904-1913. 1. Бытие – Притчи Соломона. С. 3-5; Пятикнижие и Гафтарот. Ивритский текст с русским переводом и классическим комментарием «Сочино». М., 1999, Иерусалим, 5759. «Гешарим». С. 1-2).

Михаил Попов даже в своём пожившем и много познавшем возрасте всё сомневается и сомневается, и отсюда его ироничные, часто по отношению к самому себе, и даже грустные строки, строфы и стихотворения.

И именно тема сомнения, в том числе и в себе самом, роднит его с величайшими из людей – странниками. Роднит, но не делает его странником.

О своём поколении он написал:

Друг мой сердечный, нам ли тужить,

Предполагали мы долго жить,

И вот пожалуйста, живём же долго.

Ищем сути, сидим в сети,

Добавил(а) Александр ТОРОПЦЕВ
29.11.23 15:09 -

И даже после шестидесяти

Ждём от стихов какого-то толка

И через строфу:

Чем же родине мне послужить,

Слишком сладко пришлось мне жить...

Девки, водка, стихи, охота...

Чем-то пожертвовать, чего-то лишить

Себя, но трудно ведь, брат, решить,

И так сорок три последних года.

Добавил(а) Александр ТОРОПЦЕВ
29.11.23 15:09 -

(С. 415)

Да, это мы, «народ» 1945-1959 годов рождения. Или последние две строки другого стихотворения:

Зло меня злит, но зла не хватает,

Держусь традиций.

(С. 419)

И это – мы!

А вот всего один, но какой яркий штрих другого советского «народа», людей 1928-1949 годов рождения (цитируемое далее стихотворение так и называется «Дети войны»):

Добавил(а) Александр ТОРОПЦЕВ
29.11.23 15:09 -

До войны катались мы на санках,

С горки ледяной, когда мороз.

Европейцы, выросшие в замках,

К нам пришли, чтоб воевать всерьёз.

Но степи ударил холод страшный,

И замёрзли просто так в снегу

Итальянцы на озимой пашне,

Рядом немцы – тоже ни гу-гу.

Ну а нам-то что? Давай кататься,

Добавил(а) Александр ТОРОПЦЕВ
29.11.23 15:09 -

Санок нет, тогда тащи жмура,

Лучше бы, конечно, итальянца,

С ветерком, со свистом, на ура!

Кто нас шуганёт лихих засранцев

А катанье – это радость, смех!

Все предпочитали итальянцев,

Потому что те красивей всех.

(С. 332)

Жуткая история, мураши по спине, вроде бы и не свойственная строке Михаила Попова. И вряд ли его напечатали бы и в те жестокие годы, и позднее.

Но напечатать это стихотворение надо было и тогда, и сейчас. Пусть знают: кто с

Добавил(а) Александр ТОРОПЦЕВ
29.11.23 15:09 -

автоматом к нам придёт, тот на салазки пригодится.

Не ведано мне, нашёлся ли в той степи взрослый человек (работали все денно и ночью), отстегал ли он этих засранцев, но ... какая же яркая картинка из жизни поколения «Детей войны»!

Странник ли Михаил Попов?

На этот вопрос можно дать очень быстрый и точный, отрицательный, ответ хотя бы потому, что Михаил Попов является патриотом России. Патриотизм – это важнейший этико-социальный вектор, один из тех стержней, без которого государство рухнет. Это хорошее качество настоящего гражданина, поэта к тому же.

Но странники, величайшие из величайших людей в мировой истории, отличаются ещё и тем, что они – существа без векторные. Мудрые, но без векторные. Они поражали этим качеством величайших мыслителей всех времён и стран. В мировой словесной культуре существуют удивительные определения этого странного феномена в жизни людей. Мне удалось отыскать что-то около пятидесяти этих чудесных определений, начиная с шедевров Древней Месопотамии и, конечно же, «Ригведы» вплоть до конца XIX – начала XX веков.

Например. Ригведа. X, 136. Косматые аскеты. (Махабхарата. Философские тексты. Выпуск V, Книга I. (Мокшадхарма) (Основа освобождения). Издание второе. Перевод, предисловие академика А. Н. СССР Б. Л. Смирнова. Ашхабад. 1983. С. 25-26). (Девибхагавата-пурана. М., 2006. С. 339). Махабхарата. Книга шестая. Бхишмапарва, или Книга о Бхишме. Пер. В. Г. Германа. «Ладомир». М., 2009. С. 77-84... Иоанн Лествичник. Лествица. СПб., 2008. С. 91-96... И т.д. вплоть до Лесков Н. С. (1831-1896): **Час воли Божией (Сказка)**, Скоморох Памфалон (Фрагменты). Ницше Фридрих Вильгельм (1844-1900): Ницше о странниках.

Добавил(а) Александр ТОРОПЦЕВ
29.11.23 15:09 -

Но зачем же мне понадобилась эта глава в разговоре о Михаиле Попове, если, как сказано выше, он не является странником? Так уж ли это нужно и важно?

Нужно-нужно. Михаил Лермонтов по натуре был странником, и «Демон» - яркое тому подтверждение. Но странником великий поэт не стал, потому что был он ещё и дерзким в своей строке («Смерть поэта»). И таких поэтов, вообще людей творческого труда и не только творческого, немало. И каждому из них мешали и мешают разные причины, не позволяющие им ... жить в миру и одновременно жить вне мира или в иррациональных, а то и в трансцендентных пространствах, бесконечно близких к реалиям жизни и столь же бесконечно далёких от них. Между прочим, даже гению гениев совсем не обязательно быть странником, скорее наоборот. Гении, несмотря на внешнюю отрешённость многих из них, на способность постигать непостижимое, являются, прежде всего, людьми мира, людьми конкретных, пусть иной раз и заумных, дел.

Но восторгаться, а то и преклоняться перед странниками, и тем самым проявлять в себе самих предрасположенность, пусть и не достигаемую, к странническому образу жизни имеют право даже гении, чем и свидетельствуют выше названные авторы определений странника.

И я уверен в том, что Михаил Попов к странничеству расположен. Недаром он вспомнил Сократа, который, на мой взгляд, был одним из самых ярких представителей этого рода людей, и Григория Саввича Сковороду, который дал самое краткое определение странника. «Мир ловил меня, но не поймал!» - такие слова он попросил написать на своей могиле.

Мир ловил, но не поймал Сократа, майевтика которого являет собой самый что ни на есть страннический метод познания мира в себе и себя в мире. Метод, не доступный даже очень крупным мыслителям мира ни до, ни после Сократа. Да и жизнь-то его, и уход из жизни убеждают даже очень ленивого человека в том, что мир Сократа не поймал. А уж как хотел!

Но не только, даже не столько двумя этими стихотворениями Михаил Попов продемонстрировал свою предрасположенность к странничеству, а, скажем, вот этими стихотворениями и строками.

Добавил(а) Александр ТОРОПЦЕВ
29.11.23 15:09 -

Река не ведаёт усталости

... То разольёшься, то сужаешься,

То гладь свою бросаешь в дрожь,

Подумают, что в чём-то каешься,

Иль передразниваешь рожь,

Что вдоль течения волнуется,

Как будто куда-то ей пора,

Лишь потому, что ветру дуется,

И солнцу светится с утра.

(С. 13)

Помните у Лермонтова:

Нет, вам наскучили нивы бесплодные...

Чужды вам страсти и чужды страдания;

Вечно холодные, вечно свободные,

Нет у вас родины, нет вам изгнания.

И в стихотворении «Лермонтов» герой Михаила Попова, в подпившем слегка состоянии, остаётся под склонённой над ним сетью «голых, черных и бесшумных веток» (С.33). Мотив подпития нередок в этой книге. А добрые люди частенько пропускают рюмку, другую, а то и стакан и другой только потому, что чужды им «страсти и чужды страдания» и покоя им хочется, безмятежности, отстранённости от петливой сети дел людских.

Добавил(а) Александр ТОРОПЦЕВ
29.11.23 15:09 -

Только находясь в магнетическом «странственном» поле можно написать стихотворение
«Да, теперь не рано вечерет» и две последние строфы:

Я хотел бы подойти, вмешаться,

Я б не тронул их и не задел,

Но нельзя, они тотчас лишатся

Этих вот своих эфирных тел.

Можно прикоснуться только слухом,

К эльфовой игре их языка,

Если я когда-то стану духом,

Вспомню: вечность дьявольски хрупка.

Добавил(а) Александр ТОРОПЦЕВ
29.11.23 15:09 -

(С. 56)

А уж как хрупка любая частица вечности, и все извивы и причуды человеческого житья-бытья!

И все странники мира относились к этому житью-бытью с такой же фатальной осторожностью, с таким же не показным, трепетным волнением, с таким же страхом, с такой же боязнью даже не лишить кого-то жизни, но нарушить её волнительное течение по линиям судьбы. Об этом говорят и авторы определений странников, собранных мной в книге «Мировая история странников», которая в издательстве «Ридеро» и размещена на «Сайте Александра Торопцева».

Из приведённых фрагментов стихотворений Михаила Попова уже можно почувствовать свойственную странникам тоску по человечеству, которая рождается в душах великих людей, отчаявшихся: «человеческое, слишком человеческое» слишком тонко чувствуют они, и, главное, понимают, что выхода нет из симпатичного, но часто безумного, наглухо замкнутого шара человеческих проблем, амбиций и дури же человеческой, и слабости же, и хрупкости, и странного хаоса, и тягучих, вечных же векторов в каждом конкретном проявлении, в каждой точке этого самого жития и бытия.

Нет выхода!

Есть только краткая в пространстве и во времени возможность жить либо «как все живут», либо как-то по-иному, но как?!

По принципу «моя хата с краю»? Но разве это жизнь для сильных людей? Как все на свете ходки, которые ходят и ходят ... к своим целям, и уже поэтому они не могут называть себя странниками, сколько бы стран они не посетили. Аскеты? Иноки в скитах и т.д.? Нет – они уже пришли, они отгородились от мира, не предоставив ему ни малейшего шанса ловить их.

Добавил(а) Александр ТОРОПЦЕВ
29.11.23 15:09 -

Жить в миру и не быть пойманным им – вот вершина, на которую даже предрасположенному к странничеству, взобраться редко удаётся.

И остаётся только тосковать по человечеству, и по себе самому, уже странному, но ещё, но безнадежно не страннику.

А все же врубелевский Демон

Так ненормально угловат,

Сидит, соображает – где он?

Кто он? И в чём он виноват?

«Демон» Лермонтова – странник, и уже поэтому он печальный. «Демон» Врубеля тоже объят неизведанной простым смертным печалью. «Демон» Михаила Попова ещё и ненормально угловат, как ненормально угловата жизнь любого странника, опять же с точки зрения любого нормального обитателя Земного шара.

Люди мудрые говорят, что поэзия – есть сочленение не сочленяемого, которое в самый миг сочленения, становится, словно по мановению волшебной палочки, сочленяемым. Это – поэзия. У странников всё не так. Они живут угловато и печально, но довольные

Добавил(а) Александр ТОРОПЦЕВ
29.11.23 15:09 -

этой жизнью угловатой, которая ну никак не сочленяется с жизнью нормальных людей. Они (люди обыкновенные) тоже ведь живут в своих углах, но, удивительно, никто из них не замечает в суете дел своих, якобы, праведных, по их мнению, праведных, ни угловатости своей жизни, ни меркантильной её бесцельности, ни упрямой тяги к расширению и увеличению своих углов, и чем больше углов, чем они более заставлены углами, тем радостнее жить человеку.

Но ни странникам вообще, ни обрётшему свои печально-мучительные углы «Демону» Михаила Попова.

Мне не довелось отыскать сочинения самих странников, но по уже упомянутым определениям можно с малой долей ошибки предположить, что странники лишены ... страдания и сострадания, без которых, по моему твёрдому убеждению невозможно стать ни поэтом, ни художником, ни музыкантом, ни даже философом и т.д., и которые (страдания и сострадания) всё же векторны: начнёшь страдать – потеряешь что-то важное, странническое в себе, и тогда останется у тебя один путь – в некуда, не в лесковское «Некуда», а в то, может быть, начальное, а может быть, финальное наше состояние.

И, на мой взгляд, все три «Демона» близки к этому состоянию. И, конечно же, «Демон» Пушкина.

Странником написано стихотворение «Лес растёт довольно густо»

Лес растёт довольно густо,

Паутина, тишина,

Добавил(а) Александр ТОРОПЦЕВ
29.11.23 15:09 -

Не впускай сюда искусство,

Не тревожь простого сна.

Как начнёт оно тут шляться,

Кистью, словом шурудить,

То над тенью изгаляться,

То рифмовкой изводить.

Пусть останутся в покое,

Этот лес и полумрак,

Где ты можешь в веки кои

Отдохнуть от всяких врак.

(С. 74).

Природа – самый верный Богу странник. А любое к ней прикосновение человека неразумного лишь нарушает её страннический покой, её странническое равновесие, её естественное состояние.

А разве не так? А разве не об этом данное стихотворение. А разве мог его написать какой-нибудь беспечный бродяга, или кто-то иной по натуре, кроме странника? – Да нет, конечно же.

Страннические мотивы в книге «Смерть Вергилия» не ограничиваются этим стихотворением: читай на страницах 106, 112, 336, 420...

Строфа к строфе

Меня частенько ругают поэты за неприятные для них откровения. Например, некоторые, поймав сильную первую строфу, идею, доминантную мысль, которой вполне можно было и завершить стихотворение, они в таком экстазе зачем-то продолжают лепить к нему строфу за строфой, не замечая, что с каждой очередной строфой (не катреном, а именно строфой) энергия произведения снижается. И хорошо, если у автора хватает сил и, главное, таланта, взлететь в последней строке к той вершине, которая была бы достойным завершением первой строфы.

Михаил Попов, на мой взгляд, является ещё и мастером строфы. Кроме этого, он

Добавил(а) Александр ТОРОПЦЕВ
29.11.23 15:09 -

обладает композиционным чутьём, что позволяет ему, во-первых, создавать, например, в четырёх строках поэтического текста такие функционально завершённые картинки, миниатюры, а то и новеллы, во-вторых, умело соединять их в объёмное, пусть и не большое полотно (об этом сказ особый), и, в-третьих, ударным аккордом, часто неожиданным, завершать стихотворение.

Визит Луны

Искрятся в тишине и холоде

Луны ленивые лучи,

И хриплый смех гулящей молодежи

Стихать не думает в ночи.

Картинка? – безусловно. Более того, это – миниатюрно завершённая картинка, пусть ещё и не новелла.

И далее следуют три строфы, три картинки, настолько тесно связанные друг с другом,

Добавил(а) Александр ТОРОПЦЕВ
29.11.23 15:09 -

что, конечно же, катренами их назвать нельзя, но они и украшают первую строфу объёмными, неожиданными и уже поэтому необходимыми для общей мысли, идеи.

И вдруг совсем уж неожиданный выход в последних двух строках:

Нехороши неосторожные

Визиты к нам ночных светил.

(С. 6)

Конечно же это – не отрешённая пейзажная живопись, но глубокое, до таинственной непрозрачности, философское осмысление слегка задержавшегося в ночи «момента» жизни.

«Моменты» жизни, казалось бы, бесконечно малые её составляющие, пусть даже «с земляничку» «ростом», но в них тлеет, не спеша, громаднейшая сила, которую только тонкая, чуткая душа может увидеть и даже услышать:

Слышно лишь только, как с земляничин

Капает солнцем расплавленный лак («Лето». С. 10).

А вот это стихотворение сложено по хрупким линиям сопряжения из трёх катренов. И заканчивается оно двумя строками, которые, как и в предыдущим случае, вроде бы принадлежит всему стихотворению, но имеет полное право отделить от него и стать загадочным афоризмом:

В глазах у каждой встречной женщины

Лишь иронический ледок.

(С. 6)

Мысль не нуждается в многословии, в том время, как многословию часто не хватает мысли.

Вспомним фигурное катание. Там есть такой термин – «водичка». Сотворил фигурист самый сложный элемент, а то и каскад элементов, нужно отдохнуть, восстановить силы, и начинает он «водичку» лить. Отдыхать, то есть. Да, великие мастера и отдыхают интересно, насыщая, скажем, «дорожки» разными выкрутасами, но даже неискушённый зритель с пониманием отмечает: «Что ж, после такого элемента отдых не противопоказан, даже полезен». Между прочим, и в футболе, и в других видах спорта, и, практически, во всех сферах жизни важно умение расслабляться.

И лишь самые великие мастера того же фигурного катания составляют свои номера сплошь из элементов, во всяком случае, зритель, в восторге, не замечает этой самой «водички».

Лишь великие поэты творят от строфы к строфе сложнейшие «элементы» мысли.

Она у Михаила Попова разная. В историологических строках у него больше ума, что вполне понятно. В гражданских, патриотических, эмоциональных – больше сердца, но, практически, во всех стихах доминирует душа, наш самый заинтересованный «путеводитель». Особенно это заметно в стихотворениях, которые, как сказано выше, приближают поэта к странникам.

И дарованное Богом чувство строфы и даже строки позволяет поэту вообще отказаться от «водички», от проходных «элементов» в любом стихотворении и в книге в целом.

Не секрет, что в неуёмном желании поразить читателя объёмами, некоторые поэты, да и прозаики тоже, частенько раздувают свои книги до запредельных размеров, и только удивляешься, как эти опусы не взрываются, не лопаются от необоснованных ничем перегрузок.

Афористическое мышление

Афоризмов объёмом в две строки или в строфу в книге очень много, чаще, конечно же, в заверших стихов, но иногда и в их недрах. Создаётся впечатление, что каждое стихотворение и было задумано, чтобы родить эти краткие, яркие строки.

Добавил(а) Александр ТОРОПЦЕВ
29.11.23 15:09 -

... Где этот мир, где мир иной?

А бой, он вечный.

(С. 9)

Или эта строфа:

Бог не должен жить в районе Кушки,

Иль сидеть в горах в большом дому,

Мы в обыкновеннейшей церквушке

Запросто являемся к нему.

(С. 15)

Или:

Если немец принялся за дело,

Все другие – отдыхайте смело.

(С. 23)

Рекам океан не переплыть

(С. 24)

Что просил, это всё получишь,

Только жизнь свою не улучшишь.

(С. 25).

Или:

Да, можно уходить, все точки схвачены,

И родина для мира в горле кость,

И жизнь моя уж кое-как потрачена,

И как доска к забору прихреначена,

Да, человек, он в этом мире – гвоздь.

(С. 413)

Даже не гость, а именно – «гвоздь», который приколачивает «штакетину в заборе», длинному, длиною в жизнь. А уж, в каком месте этого «забора», твоя «штакетина», знать дано далеко не каждому, да и не надо знать, главное, понимать, что в этом бесконечном шаре жизни, есть что-то твоё.

Или:

Блажен гонимый и убогий,

Вдали от торных всех путей,

Мы тихо думаем о Боге,

В толпе разнузданных идей.

(С. 434)

И далее везде. Читай и удивляйся, можешь даже и позавидовать, есть чему. И между прочим, Михаил Попов безукоризненно удачно нашёл финальное стихотворение для книги:

Поэзия обманывает нас...

И читай далее на С. 463.

По следам (Творческая матрица Михаила Попова).

Я постоянно даю студентам домашнее задание под названием «По следам». Прочитал то или иное произведение, остался след в душе, запиши, не откладывая в долгий ящик, заметку, отзыв, или статью, а то и рассказ, стихотворение, а то и роман в зависимости от того, какой глубины этот самый след.

Скажу честно, задание выполняется очень редко. Я даже подумываю прекратить эту игру.

Нет-нет, я «не ошибся адресом», я пишу о об одном важнейшем качестве поэта Михаила Попова. Но всё по порядку.

У каждого из нас, после любого акта познания, жизненного или книжного, остаётся в памяти «след», душевный, или сердечный, или «след» разумный. В результате формируется множественная и многомерная «матрица», у кого-то активно функционирующая, у кого-то находящаяся в этакое полусонном состоянии, а у кого-то совсем уж живая, постоянно и, главное, творчески реагирующая на любые интеллектуальные, сердечные или душевные потрясения, или даже лёгкие раздражители.

Есть люди, бесполезно эрудированные, которые используют свои ячейки памяти, свою матрицу для этакого форса: они могут по любому поводу и случаю вставить этакое гордое: «Знаю, знаю». А все знания-то у таких людей ограничиваются фактами. И фактами они частенько забивают собеседников и даже своих читателей, коль скоро речь идёт о людях пишущих, а их богатая «матрица», напичканная сведениями, по сути своей, мертва: она не способна участвовать в рождении литературного произведения.

Добавил(а) Александр ТОРОПЦЕВ
29.11.23 15:09 -

«Матрица» Михаила Попова – живая, и живёт она в напряжённом режиме ускорения, то есть она просто ЖИВЁТ, а не поживает в таком монотонном режиме набранной скорости, и не доживает, совсем уж устав от суетной беготни за самим собой. И доказательством этого утверждения является, в том числе, книга стихотворений «Смерть Вергилия», написанных «в последние двенадцать лет». Напомним, что поэт родился в 1957 году. Значит, ему сейчас 65 лет. То есть в книге представлены «избранные стихотворения» (!), сработанные автором в 53-65 лет. И как сработаны! Знатоки поэзии знают, что в этом возрасте так свежо, с таким юношеским запалом писали далеко не все поэты. Это – мягко говоря.

Следует оговориться, что поэтическое мышление пожившего и познавшего немало Михаила Попова осталось «двойственным»: с одной стороны, в книге мы находим прекрасные образы (не образцы, а именно образы) пейзажной лирики и суровых размышлений о себе, о своей поэзии и т.д., что роднит его с поэтами-бедуинами джахилии, а с другой стороны, книга наполнена стихами, в которых отражён богатейших книжный опыт: в арабском мире таких поэтов называли – «книжники».

О первом качестве речь пойдёт чуть позже, сейчас завершим разговор о поэте-книжнике. Я не поленился и собрал словарь имён, а также словарь терминов и географических названий, которые использовал Михаил Попов. Да, нет, не использовал, это слишком грубо. Он жил с ними, он жил их образами, именно образами! Господь Бог даровал ему это качество ловить в словах и именах образы. Не просто громкие имена, но порождённые их носителями образы, а лучше сказать, грани многогранных образов, живых, затаившихся в глубинах «Творческой матрицы» поэта, ждущих своего часа, своей темы, чтобы вдруг вырваться в свет, в строку и украсить, и по-своему высветить мысль.

Итак, имена. Вергилий, Гашек, Овод, Наташа, Анатолий, Гамлет, Рерих («бродячий»!), Мастер, Свидригайло, Ной, Мария Ситтель, Ресин и Маресьев, Венера Милосская, Лермонтов, волхвы, Свято Марк, Гоголь, Сталин, Битлы, Северянин, Надсон, Петенька Гринёв и Екатерина, Маша, Кощей, Иванов, Адамович, Пушкин, Сулла, Пан, Врублевский, Демон, Ной Аполлон, Блок, Босх, «мелкая Миляка», «юный Гаврила», Кант, Шекспир, Геркулес, Борджа, Платон, Ганнибал, Ливий, Марк Антоний, Дед Мороз, Пётр I, Ленин, Сергей Есенин, Целиковская, Бродский, Дездемона, Герасим, Каварадосси, Карл XII, Набоков, Челубей, Пересвет, Андрей Платонов, Бен Джонсон с Марлоу, Теркин, Гильгамеш, Орфей, Ролан Барт, Дант, Рубцов, Деррида, Бунин, Меньшиков, Ахматова, Синдбад, Тургенев, граф Калиостро, Фемида, Транстремер, Фрейд, Будда, Фемистокл, Окуджава, Гитлер, Набоков, Готье, Каин, Сатана, Зоил, Джойс, Кафка, Ортега и Гассет, Кьеркегор, Хайдегер, Хабермас, Дон-Кихот, Лаэрт, Одиссей, Агамемноно, Шектор, Ахиллес, Сократ, Атилла, Папа Лев, Павел и Пётр, братья Гримм, Дементьев,

Добавил(а) Александр ТОРОПЦЕВ
29.11.23 15:09 -

Антониони, Леды, Потанин, Дерипаска, Эрос, князь Мира, Марк Аврелий, Траян, Калигула, Мичурин, Карацупа, Гамлет, Кузнецов, Гретруда, Розенкранц, Гильденстерн, Парменид, Эйнштейн, Кант, епископ Лазарь, Вещий Олег, Макбет, Томас Манн, Обломов, «Татьяна, Анна», «Аксинья с Маргаритой», Ванга, Путин, Трамп, Парки, Харон, Мандельштам, Пастернак, Бальмонт, опять Ахматова, Иванов, Брюсов, Гиппиус, Чёрный, Урганты и Познеры, Бомарше, царица Савская, Солон, Сатурн, бог времени, Иисус Навин, Тайсон, Икар, Франкенштейн, К. С. Льюис, Загитова, Нобель, Декарт, Гиппократ, Ной, Берия, Прометей, Гевс, опять Герасим, Моби Дик, Ахав, Ежи Лец, Прокруст, Икар, Фазтон, Минотавр, Тесей, Мамулы Куна, Бойнтон Пристли, Толстой Л. Н., Хуц (Хрущёв), Мельхиор, Балтазар, Ирод, Иуда, Гачев, Ксантиппа, Огинский, Мамона, Гомер...

Согласитесь, сложный многоугольник. «Мир шарообразен, как глаз вращаться должен он/ Замкнул его закон времён в орбите круговой», написал Абдулло Рудаки. Рудаки Абу Абдулло. О старости // Лирика. СПб, 2011. С. 33). Впрочем, об этом говорили, задолго до него, тот же Зенон из Китиона (ок. 333–262 гг. до н.э.), например). Мир, а значит, и жизнь, многогранны как шар, то есть бесконечно многогранна. А значит, и каждый человек многогранен. Но далеко не все, даже писатели, даже поэты, обладают таким множеством таких интересней граней, да не просто граней-образов людских.

И, вот что удивительно и приятно одновременно: я не почувствовал в стихотворениях этой книги ни одной натяжки, ни одного случая щегольства (вот, мол, каков я, и того знаю, и этого), ни одного не точного использования образа, скажем, для пустой «рифмы для рифмы», чем грешат некоторые слагатели стихов. Здесь всё в строку, здесь удивительно тонкая игра образов в игры, создаваемые в каждом новом стихотворении, я уж не говорю о том, что имена в стихотворениях Михаила Попова частенько становятся метафорами.

То же самое можно сказать и о географических названиях, о терминах – их не так много, как имён, но и они удачно «вживаются» в идеи стихотворений.

О многомерности мышления поэта говорит и стихотворение «С чего начинается классическая империя?» (С. 275), которое я бы назвал «Апологией империи», а лучше сказать, «Философией империи». В этом произведении удачно воссоединились могучая эрудиция с аналитическим умом и смелостью, которая вообще свойственна Михаилу Попову.

«Что вижу, то пишу»

Любой, начинающий писатель, довлеющий к реализму, или к той же пейзажной лирике, наверняка слышал от редакторов эту фразу: «ну нельзя же писать по принципу «что вижу, то пишу»». Меня всегда удивляла эта тупая фраза. Уже упомянутые поэты-бедуины именно так и работали своих стихи. А поэты-книжники во времена совместных поэтических «посиделок» нет-нет, да и говаривали, прослушав бедуинов: «Пора нам съездить к ним на учёбу» о чем писал Абу-ль-Фарадж аль-Исфахани в «Книга Песен». М. 1980.

Самый, на мой взгляд, яркий поэт времён джахилии Имру-уль-Кайс (г. рожд. неизв. — 540) так и работал свои стихи: «что вижу, то пишу». Но как он писал жизнь в седле своего коня, как он написал самого коня, как мощно и в то же время глубоко и тонко он чувствовал жизнь.

Как Михаил Попов пишет «картинки с натуры», мгновения жизни, какое тонкое и у него чувство жизни, как глубоко он чувствует событие в любом факте! (Событие в факте увидит далеко не каждый). Он может сидеть у окна, «списывать» картинку, миг с натуры, но в миге этом, в этом бесконечно малом «акте», он видит и пишет жизнь объёмно.

Прохлада трёх коротких гроз,

И солнечный разлив меж ними,

Сверкает тополь в полный рост

Добавил(а) Александр ТОРОПЦЕВ
29.11.23 15:09 -

Листами трепеща меж своими

Вплывает колокольный звон,

И воздух весело лоснится,

Восходит радость на амвон,

А проповедь прочтёт синица.

(С. 180)

Соловей

Огонь, запаянный во льду!

Его внезапных звуков вылет

Добавил(а) Александр ТОРОПЦЕВ
29.11.23 15:09 -

Я напряжённым слухом жду,

Что он ещё такого выльет.

Его бы не отыскал никто,

Вбежав в дикорастущий хаос.

Он звуки сыпет в решето,

Из звуков свитое и пауз.

Он в чёрном клюве держит щель,

В которую как тарарахнет!

Потом бессмертней, чем Кощей,

Добавил(а) Александр ТОРОПЦЕВ
29.11.23 15:09 -

Над трелью прозвучавшей чахнет.

(С. 47)

«Малая Родина»

Живёт на склоне живописной горки человек. До Москвы совсем недалеко, до церкви ещё ближе, а Земля – вот она, за крыльцом, за окном. Полумесяцем город, будто родной, но не родной, жмётся к селу, автодорога по живому взрезала подол горки, и шумит, назойливо, как осенняя, вредная муха шумит. А за ней «железка» свистит электричками, да важно бьют по стыкам рельс нечастые пассажирские поезда, и тяжело мнут шпалы длиннющие товарники, тоже редкие на радость местному люду. И речка Битца, вестница столицы, выписывает русские иероглифы между дорогами и селом.

... Живу не то, чтобы на Капри,

Но все же почти образцово.

То есть на острове со всем семейством,

Добавил(а) Александр ТОРОПЦЕВ
29.11.23 15:09 -

Островом стало село в Подмосковье,

(С. 160)

Остров. Это очень точное слово для «Малой Родины», которая, я уверен, рождает крупных писателей в то время, как крупные города формируют великих учёных. «Малая Родина» - душевный остров, духовная опора для любого настоящего писателя. Обычно – это островок детства, отрочества, юности. Там всё наше.

Но, вот что ещё меня поражает в душевном мышлении Михаила Попова: его способность крепко вживаться в то пространство, в которое его посеяла на том или ином этапе жизни судьба. Беларусь – его «Малая Родина», Казахстан и наконец, село Ермолино, куда он попал уже в зрелом возрасте, когда практически невозможно обрести новую «Малую Родину». Но ведь и здесь поэт нашёл её, слился с ней.

И уж какие пейзажи ловит душа его, сидящего у окна Ермолинского дома!

Пейзаж, даже если он пишется, например, художником в течение долго времени, это прежде всего миг, та временная бесконечно-малая единица, в которой сокрыта бесконечно огромная энергия жизни.

Помните, у мыслителей Древнего Индостана: у каждой песчинки есть душа». Или у столь же древних китайцев: «и на кончике паутинки есть разум».

А значит, и каждое мгновение, каждый миг имеет в себе, уж, простите, и душу, и разум, и сердце, и – романную мощь. Или хотя бы уж объёмную тему для стихотворения. И эти мгновения, именно в своём бесконечно малом объёме и в своей бесконечно громадной энергии, в том числе и поэтической энергии, доступны строке Михаила Попова.

Добавил(а) Александр ТОРОПЦЕВ
29.11.23 15:09 -

Надрываться кончила собака,

И луна с небес уже сошла,

Выдвигается наш городок из мрака,

Словно ящик тихо из стола.

Золотом сверкает колокольня,

Холодом ночным разит река,

Я свидетелем рожденья стал невольно

Марципанового городка.

(С. 380)

И таких мгновений из окна в книге много.

Двойственная природа человека (Или завершение темы трёх предыдущих размышлений)

Из квантовой физики известно, что свет одновременно обладает свойствами непрерывных электромагнитных волн и дискретных фотонов. Это – так называемая двойственная природа света.

Но и человек обладает двойственной природой, что можно выразить следующей формулой: несмотря на то, что в людях больше общего, чем частного, каждый человек, тем не менее, индивидуален. Человек в себе – корпускула, человек в обществе, в социуме – волна.

Есть поэты, прозаики и даже философы, которым вполне достаточно для полного счастья осмыслить в своей строке себя, или любого отдельно взятого человека, или любое мгновение жизни. Есть люди, которые тяготеют к глобальному (о глобалистах говорить не буду) осмыслению мира в себе и себя в мире. Те и другие мне симпатичны, была бы мысль, была бы строка. Более того, их нельзя назвать непересекающимися пространствами, потому что и тех других, в конце концов интересует жизнь, а она, как известно, существует и в макро-, и в микромирах. Идёшь ли ты от частного к общему, или от общего к частному, приходишь ты к одному и тому же финалу: познанию жизни.

Творчество Михаила Попова лично мне симпатично ещё и потому, что он одинаково свободно чувствует себя в осмыслении человека, уникального, и в осмыслении социума – во всей их бесконечной множественности и, что особенно интересно – в объёмных линиях соприкосновения этих миров, даже соприкосновения их друга в друга. Это даже не внешняя картинка взаимодействия Инь и Ян, а то, что даёт тому и другому «шанс», возможность этого взаимодействия. А в чём же суть, какова причина этого? Я отвечаю на этот вопрос так? Причина в том, что Инь содержит в себе нечто фундаментально

Добавил(а) Александр ТОРОПЦЕВ
29.11.23 15:09 -

важное, что имеет в себе Ян, и наоборот. Возвращаясь к двойственности мира, можно и так сказать: в микромире есть то, что роднит его с макромиром. В корпускуле есть волна. В индивидууме есть социум.

Поэтому-то и вечна жизнь.

Поэтому-то и интересна поэзия Михаила Попова, который эту жизнь чувствует пишет.

И своё изначальное он чувствует.

Мать Михаила Попова и мать Мэн-цзы (ок. 372 – 289 гг. до н.э.) (Очерк из «Педагогике гениев»)

Добрые люди повторяют не знамо сколько лет: «У меня был в школе замечательный физик (математик, химик, преподаватель русского языка и литературы и т.д.), и поэтому я стал тем-то или тем-то». Чушь, конечно, несусветная. В Домодедовской начальной школе №5, в 1 «Б» классе образца 1956 года, было на одну учительницу Нину Григорьевну 49 семилетних человек. Кто-то из них стал инженером, кто-то машинистом электричек, кто-то токарем, слесарем, офицером, чиновником, просто женщиной, исправно рожаящей детей, кто-то попал в тюрьму и даже стал «человеком зоны», я, например, пишу эти строки, конечно же вспоминая первую свою учительницу добрым словом. Но я никогда не повторю эту глупейшую фразу, потому что, во-первых, Нина Григорьевна недостойна быть учителем будущего урки, или какого-нибудь семейного деспота, а, во-вторых, главной причиной того, что я, закончив технический ВУЗ, вдруг стал писателем, стали ... мои друзья детства, которые в 1960-е годы чуть ли не строем двинулись к хозяину на нары.

Нет-нет, это – не формула жизни, мол, я стал многодетным отцом, потому что... у моей учительницы было много детей.

Добавил(а) Александр ТОРОПЦЕВ
29.11.23 15:09 -

Но я уверен в том, что это знают все без исключения люди, которые говорят, что меня сделала, например, писателем учительница по русскому языку и литературе. Они это знают! И в то же время они не устают повторять свой добрый категорическим императив. Но почему же? Потому что мудрые люди и добро помнят, и считают своим долгом добром ответить на добро.

А тут Мать! Самое доброе, чем награждает любого нормального человека Судьба или Господь Бог. Другое дело, что далеко не все люди в полной мере пользуются этим даром. Даже материнским даром.

Мой Учитель Роман Семёнович Сеф как-то ответил на вопрос одного из наших студентов, что нужно для того, чтобы стать поэтом: «Нужно быть личностью». Коротко и ясно. Личность сама, без подсказок, поймёт, есть ли в ней поэт. Если нет – она бросит это дело, купит лопату в магазине «Всё для дома» и будет копать траншеи. Если да – будет работать над строкой.

Личность!

Но личностями становятся или рождаются? Я, например, на этот вопрос однозначно ответить не могу. Мне лишь известно одно: сильная личность обладает ещё и крепкой памятью на то доброе, что дают им люди. И уж, конечно, они помнят самого главного нашего добродателя: Мать.

В повести «Идея» Михаил Попов отдаёт частицу долга матери (весь-то долг вернуть невозможно). И с каким пронзительным спокойствием он живописует жизнью наполненный диполь «мать и сын»! Конечно же, там есть и время, и пространство, и судьба «Женщины войны». Так я называю всех женщин Советского Союза, заставших войну, вплоть до 1944 и даже 1945 годов рождения. Они тянули и вытянули громадный, для многих женщин других времён, непосильный воз: жизнь нашу. Они работали на производствах и по дому по 25 часов в сутки, но о нас они не забывали и отдавали нам всё доброе, что было в их душах.

Добавил(а) Александр ТОРОПЦЕВ
29.11.23 15:09 -

А самые из них талантливые душой искали и находили свои уникальные для воспитательного процесса ходы, которые, на первый взгляд, могут показаться наивными, но наивными эти методы воспитания не были.

Мне матушка читала в детстве мифы,

Но подменяла иногда финал.

Успехом завершался труд Сизифа,

И он за камнем вниз с горы не гнал...

(Мифы. С. 417)

Заканчивается это стихотворение так:

Ну, что ж, мамуля Куна улучшала,

Добавил(а) Александр ТОРОПЦЕВ
29.11.23 15:09 -

И ей я очень благодарен был.

А время шло, и весело бежало,

И вырос я, и, вроде, не дебил.

(С.417)

Метод матушки Михаила Попова можно сравнить с отношением к нам, детям Пятого поколения, прекрасного нашего Времени, которое, ко всему ранее сказанному, ещё и щадило, и берегло нас, как щадило оно наших матерей в первые полтора десятилетия после Войны. Помните, на Всесоюзном совещании писателей в Ленинграде в 1944 году было решено (между прочим, без подсказки свыше) не писать об ужасах той страшной беды. И это, я уверен, спасло многих, прежде всего женщин, наших матерей и старших сестёр от фатальных душевных надрывов. И это продолжалось до начала 1960 годов, когда ужасы и трагедии Войны стали отходить в душевных переживаниях на второй план.

Но причём тут несуществующая наука «педагогика гениев», мать великого китайского мыслителя и мать («мамуля», «матушка»!) Михаила Попова?

А вот причём.

В 372 г. до н.э. в городе Цзоу в семействе потомков правителей царства Лу родился сын. По некоторым сведениям, назвали его Кэ, а прозвище у него было Цзюй, или Цзыюй. В 369 г. до н.э. умер отец мальчика, и в дальнейшем его воспитывала мать из рода Чжан. Она сделала все, чтобы сын получил достойное образование и, главное, душевное воспитание.

Добавил(а) Александр ТОРОПЦЕВ
29.11.23 15:09 -

Мать Мэн Кэ три раза меняла место жительства, боясь, как бы окружающая среда дурно не повлияла на духовное развитие сына. Однажды она увидела сына, играющего в похоронные обряды. Ей это не понравилось. Она поселилась неподалёку от базара. Любознательный ребёнок схватывал разные сцены на базаре, имитировал их, играя в продавцов-покупателей. Мать перебралась поближе к школе. Выбор места жительства на этот раз оказался удачным. Впечатлительный Мэн Кэ полюбил учёбу.

Это – метод приобщения детей к прекрасному? Да, так ответят многие добрые люди, и они будут правы. Среда, духовная и душевная атмосфера играют в жизни детей и людей важную роль. И все же нельзя забывать, что подобное отношение к талантливым детям чем-то похоже на строительство вокруг них прочных социально-психологических теплиц. Сама по себе эта забота родителей вызывает только добрые чувства.

Но дикая малина куда полезнее садовой. Тепличные помидоры уступают по вкусовым качествам и по наличию витаминов помидорам с грядок, живым помидорам...

Конечно же бросать ребёнка особенно в малолетнем возрасте на произвол судьбы грешно и опасно в том числе и для самих родителей. Конечно же талантливого ребёнка нужно беречь от злых ветров судьбы, от бескультурья, необразованности и т.д. Это проверенные истины, аксиоматические.

Но в истории творчества существует множество примеров, вроде бы опровергающих «метод матери Мэн-цзы» и «метод мамыли Михаила Попова». Некоторые наставники отвергают его. Например, существует изуверский способ обучения людей плавать, бросая ребёнка в воду, как на произвол судьбы. Этот метод существует, потому что в некоторых случаях он срабатывает. Но не всегда! Я лично знаю взрослого человека, который после такого способа возненавидел воду, боится её.

Да и сам Мэн-цзы говорил: «Люди потому обладают добродетельными качествами, смекалкой, мастерством и знанием, что постоянно пребывают в невзгодах и бедах. (Мэн-цзы. Мысли. С-Пб., 1999. С. 190). Он будто бы забыл, как его воспитывала мать. И это он, Мэн-цзы, считал, как и многие другие мыслители всех Цивилизационных центров нашей планеты в VIII-III вв. до н.э., что «человек по натуре добр», и мать его, и «матушка» Михаила Попова, и многие-многие другие, талантливые душой матери мира,

Добавил(а) Александр ТОРОПЦЕВ
29.11.23 15:09 -

ушедшего и настоящего, так считают, и так будет вечно.

И Михаил Попов это доброе помнит, и это хорошо.

И не могу не сказать ещё вот что: повесть «Идея» написана ... сначала сыном, а уж потом талантливым писателем. Но часто бывает другое: взлетел человек на писательский Олимп и стал писать обо всём на свете «оттуда» с высококачественно: сначала писатель, а потом сын. Но мне такие произведения не нравятся.

Коротко о композиции, поэзии и поэтах

Мне не известны даты написания стихотворений, представленных в книге. Собственно говоря, потому она и называется сборником. Но хотелось бы знать. Поэзия – это ещё и отклик автора на внешние раздражители, даже в тех случаях, когда он пишет что-то личное.

Но сейчас важнее другое. Сборник состоит из произведений на разные темы, из которых вполне можно было составить циклы, а то и небольшие по объёму книги. Например, в книге много стихотворений о поэзии и поэтах, о себе – поэте. Пейзажная лирика, патриотические и историологические стихотворения... Но Михаил Попов не стал собирать книгу по темам. И, на мой взгляд, правильно сделал. Потому что любая затянувшаяся тема может утомить человека.

Здесь всё вперемежку. Каждое стихотворение со своим смыслом и внутренним объёмом призывает читателя проводить анализ. Хоть чуток подумав над затронутой, а лучше сказать, поэтически исследованной автором темой, ты переворачиваешь страницу, а там совсем неожиданно вскрываются и новые темы, и неожиданная их трактовка. И так от первой до последней страницы.

Добавил(а) Александр ТОРОПЦЕВ
29.11.23 15:09 -

Проводить литературоведческий или поэтологический анализ стихотворений по теме «поэзия, поэты и я – поэт» нужно в специальных работах, а не в «свободных размышлений».

Скажу лишь одно. В этой сложнейшей теме Михаил Попов остаётся верен самому себе: он и «корпускула», и «волна», он и в социуме, и в себе, он и человек с ярко выраженным системным мышлением, и со столь же сильным интуитивным мышлением, без которого, на мой взгляд, русскому поэтому один путь в «некуда», о котором я здесь уже говорил.

Но совсем уж сильно потрянуло меня вот какое стихотворение:

Стихи появляются не от избытка,

Они появляются из пустоты,

Писание – это всего лишь попытка,

Всё то, чего нет, положить на листы...

(С. 126)

В этих четырёх строках автор причислил себя к тем, кто со времён «Эпохи мудрых»

Добавил(а) Александр ТОРОПЦЕВ
29.11.23 15:09 -

(VIII-III вв. до н.э.) говорил: «Пустота есть всё», а другие с этих же самых времен и чуть позже говорили: «Бог есть всё». А если и те, и другие правы (почему бы и нет?!), то из этих высказываний можно вывести и такую формулу: «Бог есть Пустота, в которой есть Всё». А поэзия есть явление в жизни людей. А явление, как и жизнь, шарообразна, то есть бесконечно шарообразна, а бесконечность и есть Пустота, потому что, как только эта бесконечность в любом измерении, в любом акте мироздания ограничит себя, то есть проявит себя, то она тут же перестанет быть пустотой.

Так я понимаю суть этого стихотворение, в котором Михаил Попов сказал о Пустоте и Поэзии ВСЁ,

Цитирую далее:

Стихи не торчат в пустоте, как на складе,

Зашёл, получил и тащи их в печать,

Ты шьёшь каждый раз им словесное платье,

И ходишь с восторгом, и страхом встречать.

Поэты не очень умелые маги,

Добавил(а) Александр ТОРОПЦЕВ
29.11.23 15:09 -

Не знают над чем увлечённо корпят,

Возможно, что монстра найдут на бумаге,

А может, красавицу в рифмах до пят.

Черпай в пустоте, в пустоте не убудет,

И не возвращай ей ни слов, ни идей,

Поэты, конечно, особые люди,

Но чем-то похожи на прочих людей.

Похожи, похожи, когда они в социуме. Но там, в строке своей, они, конечно же, недостижимо уникальны для «прочих людей».

Заключение

Не хочется засорять эти размышления общими словами, но они искренние, а значит, не зловердные.

Ироничен, но не зол и не упрям.

Историологичен, но не окован и ненавязчив.

Мудрый, но, прежде всего, поэт, а не учёный, хотя за одно только это стихотворение я бы вручил ему диплом доктора несуществующих поэтических наук. Почему нет! – Только потому, что таковой науки нет, не будет и, слава Богу, не может быть.

Пафосу не свойственно простословие, которое скорее унижает, чем возвышает, но Михаил Попов лишён заносчивости, и уже поэтому пафос чужд ему.

Нет ни самолюбования, ни самоистязания.

Хотя в книге много честной по отношению к самому себе грусти, но нет в ней самобичевания и самоунижения.

Нет завышенной самооценки, свойственной даже не очень молодым поэтам.

Нет нравоучений седовласых старцев с ярко выраженными педагогическими наклонностями.

Нет угрюмого зазнайства, я, мол, пишу для себя, а не для разных там обывателей и прочих людей.

Добавил(а) Александр ТОРОПЦЕВ
29.11.23 15:09 -

Зато есть постоянный поиск своих истин в той самой Пустоте.